

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 68–81.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 3 (114), pp. 68–81.

Научная статья

УДК 81.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-6>

Как сделаны «Антоновские яблоки» И. Бунина (композиционные геометрии)

Ольга Владимировна Богданова^{✉1}, Миньцзе Лю²

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

²Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

¹[✉]olgabogdanova03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²1048795611@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1337-4154>

Аннотация. В статье детально рассматриваются структурно-композиционные особенности рассказа И. Бунина «Антоновские яблоки», его разновекторные проекции и сложные визуальные геометрии. Показано, что четырехчастная композиция рассказа не случайна, но опосредована авторским заданием и демонстрирует особое семантическое наполнение, переводящее смысловое содержание частных эпизодов на уровень всечеловеческий, онтологический. Установлено, что смена геометрических ракурсов текста, его композиционная противодинамика (центробежная и центростремительная) формируют надсюжетную сверхфабулу и оказывают влияние на восприятие философского поля рассказа. Интерпретирована необычность привычного названия хрестоматийного рассказа, намечены чеховские аллюзии.

Ключевые слова: И. Бунин, «Антоновские яблоки», композиционная структура, структурные геометрии, претекст и интертекст

Для цитирования: Богданова О. В., Лю М. Как сделаны «Антоновские яблоки» И. Бунина (композиционные геометрии) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 68–81. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-6>.

How “Antonov Apples” by I. Bunin is made (compositional geometries)

Olga V. Bogdanova^{✉1}, Minjie Liu²

¹The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russia

²Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

¹[✉]olgabogdanova03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²1048795611@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1337-4154>

Abstract. The article examines in detail the structural and compositional features of I. Bunin’s story “Antonov Apples”, its multi-vector projections and complex visual geometries. It is shown that the

four-part composition of the story is not accidental, but is mediated by the author's task and demonstrates a special form that transfers the semantic content of particular episodes to the universal, ontological level. It is established that the change of geometric angles of the text and its compositional counter-dynamics (centrifugal and centripetal) create above-the-plot narration and influence the perception of the philosophical field of the story. The originality of the common title is interpreted and Chekhov's allusions are outlined.

Keywords: I. Bunin, "Antonov apples", compositional structure, structural geometries, pretext and intertext

For citation: Bogdanova O. V., Liu M. How "Antonov Apples" by I. Bunin is made (compositional geometries). *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 3 (114), pp. 68–81. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-6>.

Введение

Рубеж XIX и XX вв. – 1900-й год – в жизни и творчестве Ивана Бунина стал особенным. Атмосфера Серебряного века, периода мистических раздумий и прогнозов, в целом, кажется, мало затрагивавших Бунина, тем не менее стимулировала осознание рубежности времен, требовала подведения некоторых итогов и выстраивания неких перспектив. Не случайно, что именно к этому времени относится замысел книги «Эпитафии», которую Бунин намеревался сформировать из рассказов, каждый из которых был художественным фактом прощания с чем-то прожитым и пережитым, виденным и вызвавшим эмоциональную рефлексию.

Как известно, эпитафия (*греч.* ἐπιτάφιος – «надгробный») – особый панегирический жанр, который сочинялся на случай чьей-либо смерти или в качестве надгробной надписи, нередко выполненной в стихотворной форме¹. Эпитафия – это жанр прощания, жанр расставания, жанр воспоминаний, потому трагический пафос и минорно-лирическая тональность произведений такого рода неизбежны. Рассказ «Антоновские яблоки» появился в петербургском журнале «Жизнь» в октябре 1900 г. и имел подзаголовок «Картины из книги “Эпитафии”»².

При анализе рассказа «Антоновские яблоки» важным обстоятельством становится значительная авторская переработка текста, которую неоднократно предпринимал Бунин. Как показал С. Н. Морозов, писатель 12 раз при его жизни переиздавал рассказ и 12 раз правил текст³. По наблюдениям текстолога, наиболее существенная правка «Антоновских яблок» относилась к 1921 г., когда Бунин уже находился в эмиграции в Париже и когда готовилось новое издание его прежних рассказов – сборник «Начальная любовь»⁴. По утверждению С. Н. Морозова, «если в российских публикациях этот рассказ читался как рассказ-повествование, то в эмигрантской ре-

¹ Квятковский А. Поэтический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1966. С. 358–359.

² Бунин И. А. Антоновские яблоки: Картины из книги «Эпитафии» // Жизнь. Санкт-Петербург, 1900. № 10. С. 149–166.

³ Морозов С. Н. Текстология рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / редактор-составитель О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Москва: ИМЛИ, 2019. С. 704–727.

⁴ Бунин И. А. Антоновские яблоки // Бунин И. А. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. С. 7–28.

дакции это уже рассказ-воспоминание»¹. Отчасти это, несомненно, справедливо, так как эмигрантское существование активизировало ностальгические ноты. Однако, на наш взгляд, подзаголовок «Из книги “Эпитафии”» изначально акцентировал трагическую ноту, эмоционально тонировал «повествование».

О художественном своеобразии рассказа «Антоновские яблоки» писали многие исследователи², внимание которых привлекали, как правило, две центральные слагаемые художественной системы бунинского рассказа – поэтические картины усадебной природы и мотивы ностальгических воспоминаний центрального персонажа. О. В. Сливичкая даже констатировала «биполярность» художественной прозы Бунина, акцентировала наличие и взаимодействие «двух эстетических полюсов» – *описательности* и *сюжетности*, где понятие описательности вбирает в себя представление о пейзаже, интерьере, портрете, а сюжетность – о выстраивании лирических воспоминаний героя-повествователя, нередко купированных до «нулевого сюжета»³. Наблюдения подобного характера, несомненно, основательны и перспективны. Но за мощной «лирической стихией» рассказа элементы его структурной формы, композиции, сюжетной организации часто оказываются сдвинутыми на периферический план. Без внимания, как правило, остается эпитафический оттенок «Антоновских яблок». Между тем обращение к такого рода структурным аспектам позволяет обнаружить гармоничную и стройную геометрию рассказа Бунина, выявить его новые смысловые проекции.

Основная часть

1. Композиционное членение рассказа

Лирическая тональность рассказа Бунина порождает представление о тексте, построенном как лирический монолог героя-нарратора, не случайно критики допускают говорить об образе *лирического* героя. Действительно, эпический пласт повествования в «Антоновских яблоках» пронизывает мощная лирическая струя, которую модулируют ностальгические ноты, сформированные мемориями: «Вспоминается

¹ Морозов С. Н. Текстология рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / редактор-составитель О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Москва: ИМЛИ, 2019. С. 725.

² См., напр.: Измайлов А. А. «Ищу я в этом мире сочетанья...» Санкт-Петербург: Галарт, 2019. 232 с.; Бабороко А. К. Бунин: жизнеописание. Москва: Молодая гвардия, 2004. 455 с.; Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... Москва: Центрполиграф, 2001. 489.; Мальцев Ю. В. Проза И. А. Бунина. Москва; Франкфурт: Посев, 1994. 432 с.; Сливичкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 268 с.; Штерн М. С. В поисках утраченной гармонии: проза И. А. Бунина, 1930 – 1940-х годов. Омск: Омский государственный педагогический университет, 1997. 240 с.; Захарова В. Т. Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики. Нижний Новгород: Новосибирский государственный педагогический университет, 2013. 112 с.; Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен. Москва: Флинта, 2016. 232 с.; Сурпин М. Л. В творческой лаборатории И. А. Бунина (работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Сборник 4. Творчество И. А. Бунина. Калуга: [б. и.], 1973. С. 3–16.

³ Сливичкая О. В. Сюжетное и описательное в новеллистике И. А. Бунина // Русская литература. 1999. № 1. С. 89–110. С. 97.

мне <...> *Помню* раннее, свежее, тихое утро... *Помню* большой, весь золотой, под-сохший и поредевший сад, *помню* кленовые аллеи...» (с. 179)¹. Личностно-субъектная организация текста (маркированная личными местоимениями *я, мне, меня...*) окрашивает повествование, переводя эпический статут «Антоновских яблок» в лиро-эпическую плоскость, трансформируя классическую прозу в лирическую, организованную Буниным во многом по законам стихотворного текста. Между тем отсутствие привычного событийного ряда (эпически означенного) не исключает наличия сюжетной динамики «Антоновских яблок»: лирические воспоминания героя-нарратора формируют отчетливые событийные сдвиги, порождающие надфабульную сюжетность.

При анализе рассказа «Антоновские яблоки» прежде всего привлекает внимание композиционное членение: весь текст поделен на четыре части, и какие бы правки позднее ни предпринимал Бунин (а их было множество), четырехчастная композиционная структура неизменно сохранялась. Для поэта Бунина (как прозаик он начал складываться именно в период «Антоновских яблок», до этого времени он был известен преимущественно как поэт) несколько странно было избирать число 4 в качестве композиционной основы рассказа – более привычными были бы цифры 3 или 5, как числа нечетные, которые символически (и мистически) придают художественному повествованию динамику, выстраивают внетекстовые горизонты². Между тем Бунин останавливается на цифре четыре.

В символично-нумерологической системе цифра 4 наделяется разными и многочисленными значениями, но в рамках бунинского эпитафического повествования одним из наиболее значимых среди них оказывается символика погребального культа, пронизанного мортальными коннотациями³. Семантика четного числа 4, отличная от динамики нечетных 3 или 5 (и др.), выдвигает в нем на передний план значение покоя и устойчивости, ожидаемой статики. В самой «прочности» цифры 4 заложена некая константность и, как следствие, ощутимая меланхолическая слагаемая, прирастающая от главы к главе.

Во всех четырех главках «Антоновских яблок» Буниным отображено только одно время года – осень. Концепту *осень* традиционно присуща особая понятийная семантика – это угасание природы, подготовка к зиме, к спячке, сну, замиранию (смерти), а, следовательно, и здесь актуализируются мотивы грусти, прощания, минора, весьма близкие стилистике эпитафии. Вслед за жанровым подзаголовком *эпитафия* выбор времени года – *осень* – оказывается аксиологически значимым.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общей редакцией А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. Москва: Художественная литература, 1965 – 1967. Т. II. Повести и рассказы. 1890 – 1909, – с указанием страниц в скобках.

² См. об этом: Флоренский П. А. Мнимости в геометрии / предисловие, послесловие, комментарий Л. Г. Антипенко. Москва: Лагура, 1991. 96 с.; Бидерманн Г. Энциклопедия символов / перевод с немецкого. Москва: Республика, 1996. 375 с.; Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2001. 989 с.

³ Бидерманн Г. Четыре // Энциклопедия символов / перевод с немецкого. Москва: Республика, 1996. С. 297–298.

Прежде исследователи уже обращали внимание, что в «Антоновских яблоках» осень перерождается во всех ее временных ипостасях – от ранней, по-своему радостной и солнечной, до самой поздней, темной, холодной и гнетущей.

Первая главка «Антоновских яблок» открывается пейзажной картиной «ранней погожей осени»: «...Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А “осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик”. Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: “Много тенетника на бабье лето – осень ядреная”... Помню раннее, свежее, тихое утро... <...>» (с. 179). Весь зачинный эпизод сформирован легкими и радостными впечатлениями. Колористические эпитеты переходят в статус оценочных: *погожая осень* дополняется *теплыми дождиками* (ласкательный суффикс характерологичен), день св. Лаврентия уточняется номинативом *праздник*, образный оборот *бабье лето* включает позитив в самом названии-метафоре, паутина становится *добрым знаком* и т. д. Темпоральный отрезок фрагмента: конец августа – начало сентября.

Вторая главка «Антоновских яблок» изображает более позднее время – середину сентября: «Вспоминается мне урожайный год...» (с. 182). Бунин фиксирует время сбора урожая и характерные для этого времени природные черты: «На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад <...> Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень» (с. 182). Качество эпитетов меняется. Избы топят *по-черному*, сад стал *прохладным*, туман *лиловым*, листва почти *облетела*, вода *ледяная* и *тяжелая*. Природная картина еще хранит следы былой роскоши и веселья («блестит утреннее солнце», но *сквозь* туман, блестит *кое-где*). Признаки бабьего лета еще сохраняются, но «вид деревни совсем не тот» (с. 182).

В третьей главке «Антоновских яблок» отображен конец сентября и начало следующего за ним календарного октября. «С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. <...> Он волновал сад, рвал непрерывно бегущую из трубы людской струю дыма и снова нагонял зловещие космы пепельных облаков. Они бежали низко и быстро – и скоро, точно дым, затуманивали солнце. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно...» (с. 186). В третьей главке набор эпитетов *круто меняется* – сгущается, тяжелеет, темнеет, становится *зловеющим* и *угрожающим*. *Дождик* превращается в *ливень*, свет сменяет *темнота*, день – *ночь*. Бунин с долей тревоги изображает «*прощальный* праздник осени» (с. 186).

Наконец, четвертую часть «Антоновских яблок» открывает пейзажная картина «глубокой осени»: «Дни стоят синеватые, пасмурные. <...> я нахожу зимние рамы уже вставленными <...> В лакейской работник топит печку, и я, как в детстве, сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнущей уже зимней свежестью, и гляжу то в пылающую печку, то на окна, за которыми, синяя, грустно умирают сумерки» (с. 190–191). В пределах одного абзаца определение *зимний* повторяется

трижды, настойчивой и упрямой амплификацией словно бы прочно утверждая реальность приближения зимы, холода, умирания, забвения.

Кажется, что природные картины, открывающие каждую из главок, выстроены последовательно и линейно: от ранней до поздней осени и начала зимы. Графический рисунок выстраиваемого «природного» сюжета как будто отчетлив. Между тем наряду с «природными» эпизодами четырех главок «Антоновских яблок» внутри них формируется и еще один стройный (под)сюжет – поэтапное взросление лирического героя.

2. Линии взросления лирического героя

В первой главке одним из персонажей (взрослым героем-мещанином Николаем) центральный герой поименован как «барчук» («Это вы, барчук? – тихо окликает кто-то из темноты», с. 181). Лирический герой юн, его световой день короток. Атмосфера раннего детства формируется обилием фольклорных образов и народных присловий. Пословицы и поговорки следуют одна за другой (с. 179). Природный календарь исчисляется не цифрами и датами, а именами святых – «праздник св. Лаврентия» (с. 179). Покупка по народному присловью осуществляется «всего на копейку или на яйцо» (с. 180). Молодая важная старостиха сравнивается с холмогорской коровой (с. 180), заставляя вспомнить о Некрасовской Матрене Тимофеевне, одаренной классиком той же уважительной характеристикой («Корова холмогорская, / Не баба!»¹). Лексический ряд, который Бунин использует для воссоздания былой атмосферы, густо пронизан словами простонародного стиля (*кулеш, плисовая безрукавка, понева, замашная рубаша* и др.). В восприятии юного героя вокруг – «сказочная картина» (с. 181), завораживающая и нестрашная. Потому его главное – детское – впечатление от окружающего: «...как хорошо жить на свете!» (с. 182).

Во второй части рассказа хронотоп меняется. Если на уровне природного времени начало сентября сменил конец сентября, то на уровне темпоральности персонажа происходит скачок в несколько лет. Герой уже не ребенок, он молодой юноша – созрел, подобно урожаю, упомянутому в пейзажной зарисовке. Его увлечением становится молодецкая езда на лошади и охота (с. 182). Ощущения молодого барина окрепли, но по-прежнему полны представлений о близости к народу, об уважении народной стихии, о полноте жизни. В лексиконе молодого героя-барина те же «мужицкие» слова (*пуньки, вприческу, снова замашная рубаша, ободняется* и др.). И хотя их численно меньше, но ощущение сказочности мира не утрачено.

Третья часть «Антоновских яблок» (начало октября) портретирует героя зрелого, уже женатого – упоминание «*шурина* Арсения Семеновича» (с. 186), брата жены, становится маркером скачка. Вновь время природное и время персонажное не совпадают, однако тревожные ноты природного мира причудливо накладываются на мироощущение героя. В речи рассказчика проскальзывает оборот *угасающий дух* о помещиках и поместьях, звучат определения *последние годы*, наречные сравнительные обороты *прежде* (с. 186). Образ помещичьей усадьбы маркирован определениями *разрушающиеся, пустеющие*. В рамках первого же абзаца третьей части настой-

¹ Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Художественные произведения. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Ленинград: Наука, 1985. С. 119.

чиво, шесть или даже семь (имплицитно) раз, использовано отрицание *нет*: в усадьбах «уже *нет* жизни... *Нет* троек, *нет* верховых “киргизов”, *нет* гончих и [*нет*] борзых собак, *нет* дворни и *нет* самого обладателя всего этого...» (с. 186). Традиционный образ небесного рая на земле – *сад* – предстает в третьей части рассказа лишенным сказочных коннотаций, «почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся» (с. 186). Вокруг героя – «мертвая тишина» (с. 188). Появляются упоминания о смерти (с. 189). Только в усадебной библиотеке, благодаря старинным «дедовским книгам в толстых кожаных переплетах «старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою...» (с. 190). Однако и книги вторят теперешнему состоянию героя: «Сон простирает мрачные крылья свои над поверхностью нашего полушария; он стрясает с них мрак и мечты...» (с. 190). Иллюзии и мечтания низвергнуты.

Условно в четырех частях «Антоновских яблок» Бунин прослеживает еще античностью стадиированный человеческий жизненный путь – детство, юность, зрелость, старость. Возрастная *кварта* (4) временных этапов человеческой жизни соответствует четырем фрагментам композиционного членения. И хотя тридцатилетний писатель не дает в заключительной части рассказа картины его (лирического героя) старости, однако логика развития «возрастного» внутреннего сюжета ведет именно к этому периоду человеческой жизни, к завершающему этапу человеческого микрокосма. В четвертой части доминантно звучат слова, родственные лексеме *смерть*. В первом же абзаце герой-повествователь сообщает: «*Перемерли* старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, *застрелился* Арсений Семеныч...» (с. 190–191). Во втором абзаце тот же глагол «умереть» используется применительно к состоянию погоды: «<...> грустно *умирают* сумерки» (с. 191). В третьем абзаце – «В полутемном, теплом доме *мертвая* тишина» (с. 191). Финальным знаком четвертой части становится образ засыпанной белым снегом «пути-дороги» (с. 193). Зимний путь, засыпанный белым снегом, актуализирует коннотации белого похоронного савана, прощального покрывала покойника. Таким образом, картина буйного ветра из народной песни, который «белым снегом путь-дорогу заметал...» (с. 193), (условно) завершает историю жизни и мечтаний лирического персонажа «Антоновских яблок». Субъектная перспектива героя выходит за пределы непосредственного личного опыта.

3. Бытийные проекции рассказа

Обращает на себя внимание, что в рамках фрагментированного Буниным повествования начало первой части рассказа и финал его четвертой части помечены многоточием: «...Вспоминается мне» (с. 179) и «Белым снегом путь-дорогу заметал...» (с. 193). Открывающее и закрывающее повествование многоточие (...) свидетельствует о том, что в представлении Бунина жизнь человека не имеет начала и конца, фиксированного точкой (.), но осознается писателем частью всеобщего бесконечного бытия, единого *общечеловеческого* жизненного потока. Разряженная четырехчастная композиция с начальным и финальным многоточием подчеркивает онтологическую семантику рассказового «сверхсюжета». Потому графически, кажется, *прямой* вектор (детство → юность → зрелость → старость) естественным образом изменяет свою форму, обретая иные – круговые – очертания. Субъективный хронотоп героя

(я, мне, мой...) дополняется значениями всеобщности и вечности, словно бы некоего сформулированного объективного закона всеобщего бытия. Рассказ «Антоновские яблоки», первоначально казавшийся историей жизни и судьбы лирического персонажа, оказывается наполненным у Бунина приметам истории *вечности*.

Если внимательно присмотреться к тексту Бунина, то можно заметить, что бытийным фоном изображаемых *личностных* событий в каждой части рассказа оказывается *век, вечность, сто лет*. Если герой вспоминает о богатстве Выселок, то использует оборот «спокоен веку» (с. 182). Если рассказывает о старике-крестьянине, то ему, конечно, «никак не меньше ста [лет]» (с. 182). Упоминается панева – она «чуть не прошлого столетия» (с. 183). Усадьба окружена «столетними березами и лозинами» (с. 184). Книга, найденная в библиотеке, издана «лет сто тому назад» (с. 189). В заключительной части приводится суждение нарратора: «Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие» (с. 190). И подобных *вековечных* примет по тексту разбросано множество. Маркированный многообразием (...) рассказ лирического персонажа, таким образом, оказывается включенным в эту вечность, утрачивая геометрию линейности, но – в перспективе – обретая форму *круга*, знака вечности и космичности. Единичная жизнь лирического персонажа встраивается в цепь событий и судеб множественной вереницы людей (героев), уходящей в далекое прошлое (и приоткрытой будущему).

4. Центробежные и центростремительные композиционные вектора рассказа

Между тем четыре главки «Антоновских яблок» вырисовывают и другие геометрические фигуры, уже не просто плоскостные, но объемно пространственные.

Как помним, в первой главке ведется рассказ о родном имении героя-нарратора. Во второй главе повествователь рассказывает об имении родственницы, тетушки Анны Герасимовны. Третья главка вбирает в себя историю усадьбы родных жены, шурина Арсения Семеновича. Четвертая – рассказ о безымянных мелкопоместных соседях. Повествовательный нарратив завязывается в *родном* поместье героя (1), именно он оказывается центром будущих пространственных концентрических кругов, расходящихся от *я* в мир. Далее повествование движется через воспоминания о близких *родственниках*, о *родной* тетке героя (2). Кровная связь еще поддерживается. На третьем этапе концентрические центробежные круги достигают охвата *дальних* родственников, семьи жены (3), людей, близких уже не по крови, но по сердцу. И наконец, в четвертой части круги разрастаются до пределов *соседей* (4), людей уже не родных, знакомых герою в большей или меньшей степени. Теперь не природное время, не возрастные ступени, но *родство* (кровное и общечеловеческое) связывает главного персонажа с окружающим его миром, эксплицируя его причастность к жизни, времени, бесконечному космосу. «Родственные» концентрические круги (1→2→3→4) с очевидностью намечают *центробежную* динамику, ориентируя понятийно-смысловой вектор от малой точки *я* до расширения наррации до огромных колец-сфер, охватывающих многих или всех. Экзистенциальный хронотоп рассказа расширяется, открывается вечности.

Между тем, в опоре на те же истории Бунину-геометру удастся на ином понятийном уровне добиться смены перспективы, противоположной устремленности – *ценностростремительной*, сужающей и локализующей иерархический мир. Если за исходное условие отслеживаемой динамики счесть представление о состоятельности и домовитости дворянских поместий и усадеб, то пространственный фигуративный конус концентрических кругов по ходу наррации будет не расширяться, а сжиматься. Повествование начинается с изображения картин богатых и благополучных счастливых дворянских усадеб (I, «сказочная картина», с. 181; «жившие на широкую ногу усадьбы с огромным поместьем, с садом в двадцать десятин», с. 186). Второй шаг – образ поместной жизни средних дворян (II, «склад средней дворянской жизни», с. 184). Радиус кольца сжимается. Третья часть – «угасающий дух помещиков» (III, с. 186). И наконец, четвертая – жизнь мелкопоместных дворян (IV, «нищенская мелкопоместная жизнь», с. 191), концентрически малых и мелких. Заявленная в подзаголовке *эпитафия* получает грустное, предусмотренное поминальным жанром миморно-меланхолическое наполнение.

Упоминания заслуживает и сложная система повествовательных голосов рассказа «Антоновские яблоки». С одной стороны, может показаться, что повествование пронизывает единичный голос героя-повествователя. Однако, с другой стороны, очевидно и то, что герой каждой из частей рассказа, герой-актант, не совпадает (хотя бы по возрасту, а, следовательно, по взглядам и поведенческим доминантам) с персонажем, ведущим сквозную наррацию. Бытовое настоящее и бытийное прошлое героя не совпадают, порождая стереоскопию видения и многоуровневость ментальной аксиологии.

Известно, что Бунин необычайно много работал над текстом «Антоновских яблок», тщательно дорабатывал его, убирая и сдвигая фрагменты, уточняя речевые характеристики¹. Но при всех трансформациях финальной композиционной фигурой неизменно остается кольцо, формируемое топонимом Выселки – название имения родителей центрального персонажа («замелькают огоньки Выселок», с. 190–191). С изображения картин «наших Выселок» Бунин начинает повествование, топоним пронизывает повествование, им же и завершается рассказ, композиционно замыкая бытийное кольцо.

5. Чеховские аллюзии рассказа

Наблюдения над текстом рассказа И. Бунина «Антоновские яблоки» пробуждают некие ощутимые тематические, смысловые, стиливые, жанровые аллюзии к творчеству А. Чехова, в том числе к «Вишневому саду». С одной стороны, очевидно, что текст-референт, пьеса Чехова «Вишневый сад», был написан тремя годами позднее – в 1903 г., с другой – именно чеховские мотивы отчетливо просматриваются в бунинском тексте. Возникает вопрос: как могла возникнуть подобная хронологическая деформация?

¹ См. об этом: Морозов С. Н. Текстология рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / редактор-составитель О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2019. С. 704–727.

Прежде всего привлекает внимание название рассказа – «*Антоновские яблоки*». На первый взгляд кажется, что ничего *чеховского* в названии нет, Бунин использовал распространенное в средней полосе России название яблок – антоновка. Но, заметим, Бунин воспроизвел не сортовое название антоновка, а дал собственный вариант – антоновские яблоки. «Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах *антоновских яблок*...» (с. 179). Традиционная лексема-сорт звучит в рассказе только однажды – в народной поговорке «Ядреная *антоновка* – к веселому году» (с. 182)¹.

Бунин *модифицирует* привычное название сорта яблок. В определении «Антоновские яблоки» (не «Антоновка», не «Антоновки») прозаик словно бы выделяет и акцентирует признак притяжательности, принадлежности. И несмотря на 12 переработок текста рассказа, несмотря на частую для него практику переименования собственных рассказов, в случае с «Антоновскими яблоками» *своеобразное* название рассказа сохранялось от первой до последней редакции (1900→1921).

Как известно, в русском языке суффикс *-ск-* служит конструированию притяжательных форм прилагательных. Именно это и делает Бунин – новообразованием «Антоновские яблоки» он как будто бы указывает на происхождение собственного рассказа «от Антона», антропологизирует текст.

Следует напомнить, что ко времени написания «Антоновских яблок» Бунин в течение нескольких лет уже был знаком с А. П. Чеховым. Как и Чехов, проживавший к тому времени в Ялте, Бунин тоже любил Крым, проводил много времени на южном берегу Черного моря, многократно бывал и даже жил на знаменитой чеховской Белой даче. Многие обстоятельства подобных встреч отразились в рассказах Бунина².

Созвучие мыслей Чехова-человека и Чехова-художника ощутимо в текстах Бунина; не случайно его нередко называли последователем Чехова. Потому важно подчеркнуть, что время создания «Антоновских яблок» было плотно овеяно чеховским присутствием, насквозь пронизано внутренним диалогом с Чеховым, к тому времени уже тяжело больным, с грустью взирающим на окружающую жизнь. И тогда становится отчасти понятным, откуда у здорового и благополучного 30-летнего писателя в «Антоновских яблоках» (по-чеховски *вдруг*) проступают ностальгические ноты, выразительная эмпатия к прошлому, столь ранний мотив прощания с жизнью, почему так узнаваемы *антоновские* аллюзии и реминисценции.

Чеховым к 1900 г. уже был написан целый ряд художественных произведений, где отражены те ностальгические мотивы, которые проступают в бунинских «Антоновских яблоках». Наиболее репрезентативные среди них прозаические «Дом с мезонином (Рассказ художника)» и «Моя жизнь (Рассказ провинциала)», среди пьес –

¹ Напомним, что современники Бунина, поэты и прозаики, использовали именно словформу *антоновка* и довольно широко. Например, она в привычной огласовке «антоновка» звучит в романе И. Шмелева «Лето Господне». См.: Шмелев И. С. Лето Господне // Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. (8 кн.) / составитель Е. А. Осьминина. Москва: Русская книга, 1998. Т. 4. Богомолье: романы, рассказы. С. 183.

² См. об этом: Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. С. 5–42.

«Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1896), «Три сестры» (1900). Даже «нелюбимые» Бунинным чеховские лирические драмы со всей очевидностью («Чайка» и в особенности «Дядя Ваня») эксплицируют слагаемые тех претекстов, которые наиболее концентрированно воплотились в «Вишневом саде» и которые отчетливо проступают в «Антоновских яблоках». На наш взгляд, никакого «нарушения» хронологии нет – можно утверждать, что чеховские «вишневые сады» со всей несомненностью повлияли на лирическую тональность «Антоновских яблок», на титульном уровне намеренно актуализирующих имя Антона Чехова. Скрытый антропоним растворен в названии рассказа Бунина. Яблочная символика в этом контексте обнаруживает символическую «первородность», а осенний пушкинско-чеховский колорит прибавляет бунинским размышлениям раздумчиво-итоговый философский характер.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что геометрии рассказа Бунина многочисленны и причудливы, и каждая из них создает свой минисюжет, открытый времени и пространству и/или замкнутый в вечности. Отсутствие единого сквозного сюжета, ожидаемого в эпическом повествовании, в лиро-эпическом рассказе Бунина оказывается компенсированным и замещенным множественным и разветвленным полисюжетом, сформированным пересечением, наложением, переплетением микросюжетов. Различная динамика временных пластов (время природное и время персонажное, и др.) накладывается на меняющиеся пространственные координаты (топос вечности и локус дворянской усадьбы, пространство внутреннего я и мира окружающих людей, и др.), моделирует многослойный рассказовый хронотоп, а внутри него – не менее сложный макросюжет, вбирающий факт и рефлекссию, конкретику и абстракцию, геометрию линейности и сферичности. Рассказ Бунина «Антоновские яблоки» поверяется почти пушкинской «алгеброй гармонии». Что же касается чеховского интертекста рассказа, то и он позволяет говорить о выходе Бунина в надличностную ностальгическую плоскость, открытую художественной философии русской классической литературы.

Список источников

- Бабореко А. К. Бунин: жизнеописание. Москва: Молодая гвардия, 2004. 455 с.
- Бидерманн Г. Энциклопедия символов / перевод с немецкого. Москва: Республика, 1996. 375 с.
- Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. 300 с.
- Бунин И. А. Антоновские яблоки: Картины из книги «Эпитафии» // Жизнь. Санкт-Петербург, 1900. № 10. С. 149–166.
- Бунин И. А. Антоновские яблоки // Бунин И. А. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921. С. 7–28.
- Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общей редакцией А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. Москва: Художественная литература, 1965 – 1967.
- Захарова В. Т. Проза Ив. Бунина: аспекты поэтики. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2013. 112 с.

- Измайлов А. А. «Ищу я в этом мире сочетанья...». Санкт-Петербург: Галарт, 2019. 232 с.
- Квятковский А. Поэтический словарь. Москва: Советская энциклопедия. 1966. 376 с.
- Мальцев Ю. В. Проза И. А. Бунина. Москва; Франкфурт: Посев, 1994. 432 с.
- Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... Москва: Центрполиграф, 2001. 489 с.
- Морозов С. Н. Текстология рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки» // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / редактор-составитель О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2019. С. 704–727.
- Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Художественные произведения. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Ленинград: Наука, 1985. 432 с.
- Пращерук Н. В. Проза И. А. Бунина как художественно-философский феномен. Москва: Флинта, 2016. 232 с.
- Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. 268 с.
- Сливицкая О. В. Сюжетное и описательное в новеллистике И. А. Бунина // Русская литература. 1999. № 1. С. 89–110.
- Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2001. 989 с.
- Сурпин М. Л. В творческой лаборатории И. А. Бунина (работа над рассказом «Антоновские яблоки») // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Сборник 4. Творчество И. А. Бунина. Калуга: [б. и.], 1973. С. 3–16.
- Флоренский П. А. Мнимости в геометрии / предисловие, послесловие, комментарий Л. Г. Антипенко. Москва: Лазурь, 1991. 96 с.
- Шмелев И. С. Лето Господне // Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. (8 кн.) / составитель Е. А. Осминина. Москва: Русская книга, 1998. Т. 4. Богомолье: романы, рассказы. 508 с.
- Штерн М. С. В поисках утраченной гармонии: проза И. А. Бунина, 1930 – 1940-х годов. Омск: Омский государственный педагогический университет, 1997. 240 с.

References

- Baboreko A. K. *Bunin: zhizneopisanie* [Bunin: biography]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2004. 455 p.
- Bidermann G. *Entsiklopediia simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow: Respublika, 1996. 375 p.
- Bogdanova O. V. «*Temnye allei*» i drugie rasskazy I. A. Bunina [“Dark Alleys” and other stories by I. A. Bunin.]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena, 2021. 300 p.
- Bunin I. A. Antonovskie iabloki [Antonov apples]. *Bunin I. A. Nachal'naia liubov'* [Primal Love]. Praga: Slavianskoe izdatel'stvo, 1921, pp. 7–28.
- Bunin I. A. Antonovskie iabloki: Kartiny iz knigi «Epitafii» [Antonov apples: Paintings from the book “Epitaphs”]. *Zhizn'* [Life]. St Petersburg, 1900, no. 10, pp. 149–166.
- Bunin I. A. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected works: in 9 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1965 – 1967.
- Florenskii P. A. *Mnimosti v geometrii* [Imaginary in geometry]. Moscow: Lazur', 1991. 96 p.
- Izmailov A. A. «*Ishchu ia v etom mire sochetan'ia...*» [“I am looking for a combination in the world...”]. St Petersburg: Galart, 2019. 232 p.
- Kviatkovskii A. *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia. 1966. 376 p.

Mal'tsev Iu. V. *Proza I. A. Bunina* [Prose by I. A. Bunin]. Moscow; Frankfurt: Posev, 1994. 432 p.

Mikhailov O. N. *Zhizn' Bunina. Lish' slovu zhizn' dana...* [Bunin's life. "Only the word is given life..."] Moscow: Tsentropoligraf, 2001. 489 p.

Morozov S. N. *Tekstologiya rasskaza I. A. Bunina «Antonovskie iabloki»* [Textology of I. A. Bunin's short story "Antonov Apples"]. *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiya)* [I. A. Bunin's works in historical and literary context (biography, source studies, textology)]. Moscow: Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN, 2019, pp. 704–727.

Nekrasov N. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t.* [Complete collection of works and letters: in 15 vols.]. *Khudozhestvennye proizvedeniia. T. 5. Komu na Rusi zhit' khorosho* [Works of fiction. Vol. 5. Who is Happy in Russia?]. Leningrad: Nauka, 1985.

Prashcheruk N. V. *Proza I. A. Bunina kak khudozhestvenno-filosofskii fenomen* [I. A. Bunin's prose as a fictional and philosophical phenomenon]. Moscow: Flinta, 2016. 232 p.

Shmelev I. S. *Leto Gospodne* [The Summer of the Lord]. *Shmelev I. S. Sobranie sochinenii: v 5 t. (8 kn.)* [Collected works: in 5 vols. (8 books)]. Moscow: Russkaia kniga, 1998. Vol. 4. Bogomol'e: romany, rasskazy [The Pilgrimage: novels, short stories]. 508 p.

Shtern M. S. *V poiskakh utrachennoi garmonii: proza I. A. Bunina, 1930 – 1940-kh godov* [In search of lost harmony: the prose of I. A. Bunin, 1930s – 1940s]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1997. 240 p.

Slivitskaia O. V. *«Povyshennoe chuvstvo zhizni»: mir Ivana Bunina* ["Strong sense of life": the world of Ivan Bunin]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2004. 268 p.

Slivitskaia O. V. *Siuzhetnoe i opisatel'noe v novellistike I. A. Bunina* [Narrative and descriptive in I. A. Bunin's novellistics]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. 1999, no. 1, pp. 89–110.

Stepanov Iu. S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001. 989 p.

Surpin M. L. *V tvorcheskoi laboratorii I. A. Bunina (rabota nad rasskazom «Antonovskie iabloki»)* [In the creative laboratory of I. A. Bunin (work on the story "Antonov apples")]. *Russkaia literatura XX veka (dooktiabr'skii period). Sbornik 4. Tvorchestvo I. A. Bunina* [Russian literature of the twentieth century (pre-October period): Vol. 4. I. A. Bunin's works]. Kaluga, 1973, pp. 3–16.

Zakharova V. T. *Proza Iv. Bunina: aspekty poetiki* [Ivan Bunin's prose: aspects of poetics.]. Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2013. 112 p.

Сведения об авторах

Ольга Владимировна Богданова – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>, olgabogdanova03@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, набережная реки Мойки, 119186 Санкт-Петербург, Россия); **Olga V. Bogdanova** – Doctor of Philological Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>, olgabogdanova03@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, naberezhnaia reki Moiki, 119186 St Petersburg, Russia).

Лю Миньцзе – аспирант; <https://orcid.org/0000-0002-1337-4154>, 1048795611@qq.com, Дальневосточный федеральный университет (о. Русский, Владивосток, Россия); **Liu Minjie** – Postgraduate student; <https://orcid.org/0000-0002-1337-4154>, 1048795611@qq.com, Far Eastern Federal University (Russky Island, Vladivostok, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 27.02.2023; Approved after reviewing 03.03.2023; Accepted for publication 09.03.2023.